

ГЛАВА XX

1917—1922

Мое служение в этот период

“Но во всем являем себя, как служители Божию ... в трудах, в бедениях”

2 Кор. 6:4-5

Я не стану описывать начало революции и ее ход. Факты прекрасно известны. Я находился в течение этих ужасных событий в Санкт-Петербурге. Дом, в котором я жил, стоял рядом со зданием Министерства внутренних дел. Я видел, как подъезжали мотоциклы и грузовики с вооруженными рабочими, которые атаковали здание и арестовывали должностных лиц. Я видел, как рабочие арестовали генералов прямо на улице, отобрали у них оружие и отправили в тюрьму.

Я видел огромные массы людей, заполнивших площади и медленно двигавшиеся то туда, то сюда. Повсюду раздавались выстрелы. Тела солдат и гражданских лиц валялись на улицах.

Я наблюдал, как пехотные, кавалерийские и артиллерийские полки двигались маршем к Таврическому дворцу, где находилось здание Думы. Я слышал там, как Родзянко, Гучков, Милюков выступали с обращениями к войскам. Я помню огромный энтузиазм людей, которые приветствовали революцию особенно потому, что кровопролития было мало.

Однако я помнил историю французской революции и других революций и очень часто высказывал мнение, что хотя революции и начинаются относительно мирно, они позднее переходят к кровопролитию и террору, потому что экстремистские левые партии попытаются воспользоваться случаем, чтобы победить.

Если революция не пройдет стадию левого экстремизма, значит она не закрепится. Чтобы дать истинную свободу, революция должна пройти через бездну безумия и преодолеть ее. Но это отнюдь не свидетельствовало о духе пессимизма с моей стороны или о чувстве отчаяния. Совсем наоборот. Я лишь рисовал естественный процесс, который, хотя это и будет связано со страданиями людей, должен предшествовать установлению в России истинных республиканских свобод.

События развивались в соответствии с моими предсказаниями. После премьер-министров Львова и Керенского их пост должен был занять Ленин. Это был вопрос психологической необходимости.

“Нет — политике, да — Евангелию“

Хотя я и наблюдал ход революции и ее экстраординарные политические события, мои помыслы были направлены не на политику, а исключительно на религиозные проблемы. Вместе с соратниками мы выдвинули на одной из наших конференций лозунг: “Нет — политике, да — Евангелию“.

Мы считали, что Евангелие — лучшее духовное лекарство от всех видов духовных болезней и что наш долг — лечить с равным рвением большевиков и меньшевиков, людей всех политических убеждений с помощью веры в Иисуса Христа.

В соответствии с принципами Евангелия евангельские христиане готовы приветствовать все справедливое, полезное для свободы и благосостояния народа, но мы не могли принимать участие в деятельности политических партий, потому что их методы, основанные на ненависти и насилии, по своей природе противоречат христианским методам, основанным на любви и милосердии. Мы заявили о своей позиции властям и оставались верными своим решениям.

Дважды я принимал участие в политических событиях, но лишь в интересах евангельского дела. Первый раз в работе так называемой Московской государственной конференции, созванной Керенским 18 августа 1917 года. Как президент Всероссийского Союза Евангельских христиан я получил приглашение прибыть на конференцию и принять участие в ее работе.

Для выступления мне предоставили десять минут. Я призвал участников конференции вдохновляться верой и заявил, что в этом случае можно свернуть горы.

Вторым политическим событием, заинтересовавшим меня, в котором я принял участие, была избирательная кампания по выборам в парламент государства, или съезд.

На многих людей наша программа произвела очень большое впечатление своей новизной и нестандартным подходом. На выборах в санктпетербургском избирательном участке, от которого избирались четыре делегата, мы провозгласили свою политическую линию и выдвинули своего кандидата. Мы понимали, что наш кандидат не мог быть избран, но мы пошли на выборы, чтобы ознакомить общественность с нашей программой и стремлениями. Это была прекрасная возможность для рекламы нашей программы, и мы использовали ее сполна, достигнув неплохих результатов.

На последовавших вслед за этим выборах большинство мест получили так называемые кадеты (партия конституционных демократов) и большевики. Наша группа (христианские демокра-

ты) со своим кандидатом — И.С.Прохановым получили больше голосов, чем социал-демократическая партия (меньшевики), от которой баллотировался Плеханов. В этих условиях итог выборов был для нас лучше, чем мы ожидали.

Вновь провозглашена свобода совести

Мы вновь стали пользоваться свободой совести при новом режиме, и я без промедления возобновил свою деятельность в Санкт-Петербурге. Прежде всего я продолжил публикацию “Христианина” и “Утренней звезды”. Ввиду революционной ситуации в стране пострадали и не могли работать на полную мощность типографии. Поэтому мы были вынуждены печатать наши газеты сокращенным тиражом и на очень плохой бумаге.

Я также возобновил свои выступления в Тенишевском зале. Все другие собрания также возобновили деятельность, и мы стремились проводить массовые общественные собрания в самых больших залах и зданиях. Об одном из таких собраний стоит напомнить. Оно проходило в цирке Чинизелли, и на нем присутствовало 3000 человек. Успех был огромен.

Мы провели регулярное утреннее собрание в Тенишевском зале, и после этого наша процессия двинулась из этого зала к зданию цирка. На некоторых перекрестках мы останавливались, и я вместе с другими выступал с короткими обращениями к собравшимся. Двигаясь к цирку, мы все пели. К нам присоединялись большие толпы людей, поэтому когда мы пришли в цирк, он был переполнен.

Кругом молились и пели. Два или три брата выступили с краткими проповедями к собравшимся. Моя проповедь в конце собрания продолжалась около сорока минут. Тема проповеди была: “Духовная революция”. Я высказал мысль, что для успеха политической революции в стране необходимо, чтобы каждый прошел через духовную революцию, отбросил грех и в первую очередь думал о Боге.

Когда после проповеди я пригласил людей помолиться, все встали на колени, и раздался мощный возглас со стонами и покаяниями людей. Среди тех, кто преклонил колени, были крестьяне и рабочие, а также солдаты, офицеры, хорошо одетые дамы и господа. Все они зывали к Богу.

После этого мы арендовали для собраний большое здание морского манежа, вмещающее более 10 000 человек. За полчаса и более до начала собрания мы, как правило, устраивали процессию с пением, молитвами и краткими выступлениями у подножий Исаакиевского и Казанского соборов. Толпы людей

сопровождали нас, когда мы возвращались к морскому манежу. Это были великие собрания.

Мы вели самоотверженную работу по евангелизации населения. Без преувеличения тысячи людей слышали голос Евангелия на этих собраниях. Это было время безграничной свободы. Одна мысль: "Свобода, освобождение!" наполняли наши сердца огромным энтузиазмом, и я видел перед собой безграничное, бескрайнее поле для жатвы Божией.

Отделение Православной церкви от государства

25 октября 1917 года произошла вторая революция, которую я считал естественным продолжением политической драмы. В то время партия Ленина не называла себя коммунистической, а просто "социал-демократы, большевики". Они стали называть себя коммунистами лишь весной 1918 года. Следует знать происхождение слова "большевики". В 1903 году состоялась конференция российских социал-демократов, на которой часть участников приняла меньшую программу и стала называться "меньшевиками" (умеренные социалисты). Другая часть во главе с Лениным одобрила большую программу и стала именоваться "большевиками".

Поначалу они не афишировали свои атеистические доктрины. Они заявляли об оппозиции реакционной части Православной церкви и проявляли дружественное отношение к Евангельскому движению и другим религиозным организациям и сектам, возникшим среди людей, преследуемых царским режимом. В своих статьях и речах лидеры большевиков иногда вспоминали, что в ссылке штундисты и евангельские христиане находились вместе с социал-демократами.

В общих декларациях большевиков в отношении религиозных организаций они предоставляли полную свободу всем, за исключением тех групп и представителей духовенства, которые демонстрировали политическую оппозицию новому режиму. Одним из первых шагов советского правительства был декрет об отделении церкви от государства.

С провозглашением этого декрета Православная церковь России потеряла финансовую поддержку со стороны государства и все привилегии и монополии, с помощью которых она жила и процветала со времен Петра Великого. Тем самым государство делало крупный шаг к экономии средств, но для церкви это было тяжелым ударом.

У церкви были конфискованы миллионы рублей, и она лишилась возможности осуществлять деятельность Священного

Синода, академий и других церковных институтов. Большая часть православного духовенства была очень недовольна таким отделением церкви от государства, но наиболее просвещенная часть духовенства правильно понимала реформу и одобряла ее.

Для других религиозных групп, имевшихся в России помимо Православной церкви, отделение церкви от государства также давало большие преимущества. Все преследования независимых религиозных групп в России исходили обычно от духовенства привилегированной церкви с помощью действий правительства, использовавшего в качестве рычагов армию и тайную полицию. Да иного и не могло быть, ибо предоставление религиозной монополии одной церкви и лишение равных прав другими церквями и религиозными группами само по себе является скрытой формой преследования. В этом отношении отделение церкви от государства примечательно тем, что это фактически главная основа свободы вероисповедания.

Религиозные свободы согласно законам Советского правительства

Для многих читателей будет откровением, что в первые месяцы своего существования большевистское правительство издало множество декретов и законов, гарантирующих религиозные свободы гражданам Советской республики. В вышеупомянутом декрете об отделении церкви от государства содержатся ясные, конкретные пункты, запрещающие всякого рода преследования по религиозным причинам и представляющие реальную свободу совести. В Конституции СССР содержится тринадцатый параграф, в котором говорится: "Каждому гражданину республики гарантируется свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды".

Были также изданы менее значимые декреты по этому же вопросу, укреплявшие принцип свободы вероисповедания. Мы, евангельские христиане, практически ежедневно сталкивались с фактами, подтверждавшими в общем благожелательное отношение правительства к религиозным проблемам. В качестве примера такой благоприятной атмосферы приведу случай, связанный с деятельностью евангельской церкви в Казани. Местные власти Казани запретили проведение религиозных собраний. Я телеграфировал об этом в Москву Ленину, и мы получили телеграмму от управляющего делами Совнаркома — г-на Бонч-Бруевича о том, что Ленин отдал распоряжение Комиссариату внутренних дел разрешить собрания и наказать виновных в наложении запрета на проведение собраний. В схожих условиях из Москвы приходили такого же рода распоряжения.

В некоторых случаях, когда наш миссионер или проповедник предъявлял удостоверение, выданное ему Петроградским советом, он тотчас же получал помощь в работе, право использовать самые большие залы и разрешение на печатание афиш, которые мы развешивали по городу, с объявлениями о проведении собраний.

На сегодняшний день верующие России сходятся на том, что если бы Ленин был жив, атеисты страны Советов не подвергали бы христиан таким ужасным преследованиям.

Однако я понимал, что эти благоприятные законы продержатся лишь какое-то время и затем будут, как минимум, ограничены, и поэтому решил воспользоваться временной религиозной свободой, чтобы как можно активнее проповедовать Евангелие, и к этой насыщенной программе я и призвал своих сподвижников.

Я чувствовал необходимость использовать для дела всю необходимую энергию, пока небо не покрылось темными тучами и не разыгралась буря. Поэтому мы резко усиливали все виды нашей деятельности, чтобы успеть достичь как можно большего в нашем труде во имя Господа. В нашей работе хорошо было бы спеть следующие слова: *"Трудитесь, пока не настанет ночь"*.